

ГЕНЕРАЛ А.С. БАКИЧ: ПОСЛЕДНИЕ БОИ, АРЕСТ И СУД (ПО ДОКУМЕНТАМ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА А.С. БАКИЧА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Выдрина Ольга Викторовна – ведущий археограф
Государственного архива Новосибирской области,
e-mail: vov@nsd.ru
Государственный архив Новосибирской области,
РФ, 630007, г. Новосибирск, 16.

Генерал Андрей Степанович Бакич (1874–1922) – участник белого движения, после убийства генерала А.И. Дутова стал командующим остатками Оренбургской армии в Китае. В апреле 1921 г. перешёл в Монголию, в конце похода захватил город Шара-Сумэ, где установил связь с бароном Р.Ф. Унгерном. В октябре 1921 г. Отдельный корпус генерала А.С. Бакича был разгромлен 13-й Кавалерийской бригадой Красной Армии. Бакичу удалось скрыться, но в начале 1922 г. он был захвачен агентами НКВД и отправлен в Советскую Россию. В мае 1922 г. прошёл открытый судебный процесс в Новониколаевске, который приговорил А.С. Бакича к расстрелу.

Публикуемые документы из следственного дела генерала А.С. Бакича, которые находятся на хранении в Государственном архиве Новосибирской области (Ф. Р-1146) показывают Бакича в качестве дипломата и командира, а также дают возможность познакомиться с его политическими взглядами.

Сообщение командира Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта А.С. Бакича начальнику Алтайской конной дивизии генерал-лейтенанту Р.Ф. Унгену об оперативной обстановке

8 июля 1921 г.
г. Шара-Сумэ

6 июля н[ового] ст[иля] в г. Шара-Сумэ прибыл Шегабетдинов, который передал мне записку есаула Кайгородова ¹ и Ваш приказ № 15. Приказ и записка мне многое выяснили, так как о происходящем в Монголии и Дальнем Востоке мы знали по слухам и большевистским газетам. Совместная работа русских отрядов и

¹ Александр Петрович Кайгородов – участник белого движения, начинал службу в конвое адмирала А.В. Колчака, но был разжалован и уволен из Русской армии за призывы к созданию “национально-территориальных армий”. В ноябре 1919 г. поступил на службу к командующему войсками Горного Алтая капитану Д.В. Сатунину, а после его смерти возглавил войска Горного Алтая. После разгрома колчаковщины перевёл войска в Монголию, где действовал совместно с А.С. Бакичем, находясь в подчинении барона Р.Ф. Унгерна. Во время похода на Алтай в октябре 1921 г. отряд Кайгородова попал в окружение, сам Кайгородов застрелился.

монгол послужило по-видимому причиной сговора между московским Совнаркомом и китайскими властями, которые учитывали угрозу, которую им представлял мой корпус в районе Чугучака. 24 мая китайцы вместе с большевиками напали на мои обезоруженные войска. Пришлось отходить в направлении к Монголии, т. К. уже имелись сведения, правда непроверенные, об освобождении ее от китайцев. Защищаясь чем мог от преследующих меня китайско-большевистских частей 3 июня я дошел до долины Кубука, где был встречен отрядом красных в числе до 500 человек. Этот отряд удалось мне ликвидировать, забрать оружие и патроны. На р. Черный Иртыш встретили меня китайские войска, занявшие переправу. Пришлось их обезоружить. Шарасуминские китайские власти на мое предложение не препятствовать продвижению корпуса – ответили боевыми действиями, почему я решил также с бою занять Шара-Сумэ, что и произошло 2 июля. Китайцы большей частью разбежались. После некоторого отдыха в район Шара-Сумэ предполагаю очистить весь Алтайский округ от китайцев и приступить к выполнению задачи, согласно приказа *Вашего № 15.*²

Состав моего корпуса около 5 000 бойцов, нуждаемся в оружии, патронах (3-х[линейных]) и продовольствии. Остальные 3 000 – беженцы, старики, женщины и дети, которых желательно было бы разместить в Кобдинском районе. Прошу об осуществлении этого меня ориентировать.

Обстановка в районе Чугучака, Кульджи и других пунктов Западного Китая мне теперь неизвестна, но вероятно там русских уже не осталось, т. к. с начала мая китайцы стали вылавливать всех русских и передавать в руки большевиков. Атаман Дутов 8 февраля убит большевиками в Кульдже, атаман Анненков по слухам арестован в Урумчи, отряд его отправлен вглубь Китая. 14 мая под Чугучаком к корпусу присоединилась 1-я Сибирская народная дивизия из повстанцев Петропавловского и Ишимского уездов, которые через Каркаралинск вышли к китайской границе. Один из моих офицеров будет находиться постоянно в Кобдо, через которого прошу держать со мной связь, через него также и я буду пересылать свои сообщения.

Генерал-лейтенант

[А.С. Бакич]

Начальник штаба, генерального штаба,
Генерал-майор

[И.И. Смольнин-Терванд]

*ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 137. Л. 6–6об.
Копия заверенная. Машинописный текст.*

² Фрагмент впечатан в текст позднее

Открытое предписание № 31 командира Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта А.С. Бакича всем окурдаям³ Алтайского и Кобдоского округов

Июль 1921 г.
г. Шара-Сумэ

Предъявителю сего, моему уполномоченному полковнику ПУЛЯШКО и сопровождающим его людям предписываю оказывать полное содействие по сбору и отправке в г. Шара-Сумэ лошадей, верблюдов, рогатого скота и баранов бежавших из округа китайцев и дунган, а также давать проводников, выставять юрты и снабжать довольствием, как во время объезда им района, так и при стоянках.

Что подписью с приложением казенной печати удостоверяется.

Командир Отдельного Оренбургского корпуса,
Генерал-лейтенант

[А.С. Бакич]

Начальник штаба, генерального штаба,
Генерал-майор

[И.И. Смольнин-Терванд]

ГАНУ. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 240.

Копия не заверенная. Машинописный текст. Имеется оттиск гербовой печати штаба Оренбургского Армейского корпуса

Циркулярное предписание командующего отдельным Оренбургским корпусом народно-революционной армии генерал-лейтенанта А.С. Бакича начальникам народных дивизий (1-й Сибирской, 1-й, 2-й Оренбургских, Сызранской), начальникам управления и учреждений отдельного Оренбургского корпуса народной революционной армии о приеме в ряды подразделений армии красноармейцев-перевбежчиков.

1 сентября 1921 г.
г. Арасуме

Вследствие полученных распоряжений Верховного главнокомандующего народных революционных армий, приказываю принять к строгому и неуклонному исполнению следующее:

Всех добровольно сдающихся и перешедших на нашу сторону красноармейцев, хотя бы даже и с оружием в руках, не считать нашими врагами. Помнить, что вся эта молодежь – красноармейцы наши братья, ибо была масса случаев, что сдавшиеся находили в наших отрядах своих родных братьев, было таких установлено 32 случая, что сдавшиеся красноармейцы находили своих отцов.

³ Окурдай – чиновник, назначавшийся амбаном для управления хошуном.

Пусть каждый командир и рядовой ясно представит себе картину проводов красноармейца из отчего дома в Красную армию: как нас, когда провожали из родных домов, так и их – также по христианскому обычаю, на стол кладя булку хлеба, присаживались, молились тому же Богу, которому молимся и мы, и может быть те матери и отцы с судорожными рыданиями провожали своих детей – единственную опору в старости и немощи на войну с кем? Со своим же братом. Почему делали так? Делали потому, что принуждали жида-комиссары. Говорили они во время прощания своим сыновьям: «Сынок, пойдешь служить, защищай коммуну. Нет, не говорили, ибо эта коммуна свела у них со двора последнюю животину и под метелку вымела все закрома, дала же взамен этого 5 фунт[ов] хлеба на едока в месяц. Почему же воюют против нас красноармейцы? Да потому, что сзади их подгоняют комиссары, но стреляют они всегда вверх, этим и объясняются ничтожные потери в наших рядах. Помнить и растолковывать каждому рядовому, чтобы ни один волос не упал с головы красноармейца.

Приказываю, сдавшихся зачислять на довольствие при частях на тот же паек, что получаем и мы, предоставлять такие же помещения, какие предоставляются своим солдатам, под страхом расстрела запрещаю об отобрании каких бы то ни было вещей у красноармейцев.

Для красноармейцев, пожелавших стать в наши ряды, сохранять за ними принесенные оружие. Желавших идти на родину отпускать, *отказавшихся идти на родину*⁴ после освобождения, из коммуны, сформировать в особые команды, с назначением начальниками из них же, с восстановлением внутреннего порядка, какой существует и у нас, и в народной армии.

В виду недостатка комсостава разрешаю комсостав Красной армии, перешедший на нашу сторону, в случае выраженного им желания, принимать на командные должности не выше командиров роты и под ответственность ближайших начальников.

Иметь ввиду, что многие перешедшие к нам из комсостава Красной армии, зарекомендовали себя вполне надежными начальниками, даже и из числа окончивших военные школы красных командиров.

Объяснить сдавшимся, что погоны мы носим не для того, чтобы требовать отдания чести, а для того, чтобы отмечать своих, что в наших рядах не редкость встречать полковника с 1, 2 и 3 нашивками, что означает – что полковник служит чуть не рядовым бойцом, а бывший пахарь командует им.

Впредь, при назначении на командные должности, руководствоваться не чинами, а боеспособностью и умением обходиться с народом.

Вместе с этим предписываю широко оповестить подчиненные нам войска, что песня коммунистов на Руси спета. Мы не желаем воевать с народом до тех пор, пока он сам не познает, что такое коммуна и поэтому ушли в Китай. Мужик сер, да ум у него не черт съел, теперь, он хорошо понял коммуноу.

⁴ Рукописная вставка

Повстанцы Омской, Тобольской и Челябинской губерний послали за нами одну свою народную дивизию вместе со своим пахарем начальником Токаревым во главе. Прибыли за последнее время два партизанских отряда из Самарской, Оренбургской и Тургайской губерний они зовут так же для установления новых порядков, при которых можно было бы жить мирно. Из привезенным этим отрядом сведений – все Поволжье горит в восстаниях. Западная Сибирь бьётся за свободу уже шесть месяцев. За Волгой стоят народные войска А. Маруси, Попова.

Батяка Махно очистил всю Украину.

По Чуйскому тракту тянутся обозы с семьями коммунистов – нам на смену. Пусть еще китайцы узнают, что такое коммуна.

Предписание разослать по всем частям с тем расчетом, чтобы его имел для руководства каждый взвод.

Командующий отдельным Оренбургским корпусом
народно-революционной армии

генерал-лейтенант Бакич

ГАО. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 7. Л. 1–3. Копия.
Машинописный текст с правкой. Документ рассекречен.

Комментарий:

После того, как Оренбургская армия под командованием А.И. Дутова была разбита в сентябре 1919 г. под Актюбинском, её остатки перебазировались в Семиречье, где влились в состав Семиреченской армии атамана Б.В. Анненкова. Сам А.И. Дутов был назначен генерал-губернатором Семиреченской области, а командование остатками Оренбургской армии перешло к генералу А.С. Бакичу. В марте 1920 г. вместе с остатками Оренбургской армии (около 10 тысяч человек) А.С. Бакич направился в китайский город Чугучак, где и был интернирован. В мае 1920 г. в Китае оказался А.И. Дутов, а вскоре туда же добрались остатки армии Б.В. Анненкова. После того, как 7 февраля 1921 г. был убит А.И. Дутов, А.С. Бакич стал командующим армией, численность которой резко сократилась после того, как около 6 тысяч человек вернулись в Россию, а часть направилась на Дальний Восток воевать в рядах белых армий. В апреле 1921 г. к отряду Бакича присоединилась пришедшая из Сибири повстанческая Народная дивизия хорунжего С.Г. Токарева в числе примерно 1 200 человек. В мае 1921 г. из-за угрозы окружения красными отряд Бакича (около 8 тысяч человек, из которых только 600 человек были боеспособными) направился в Монголию, где ему удалось прорваться сквозь заслон красных и дошёл до города Шара-Сумэ, который он занял, после того, как его гарнизон бежал. В начале сентября 1921 г. в Шара-Сумэ около 3 тысяч человек из отряда Бакича сдались красным, которые подошли к Шара-Сумэ, а остальные

ушли в Монгольский Алтай, где в конце октября 1921 г. сдались красным монгольским войскам.

Данная листовка написана Бакичем в Шара-Сумэ (в тексте город называется Арасуме) 1 сентября 1921 г., когда к городу уже приближались советские части. Определённую надежду белогвардейцы, оказавшиеся за границей, возлагали на крестьянские восстания против “продразвёрстки” в Сибири, в Поволжье и на Урале. В частности, в листовке Бакича упоминается крестьянское восстание в Западной Сибири, которое ещё продолжалось летом 1921 г.

“Народные войска” за Волгой, которые упоминаются в листовке – это восстания крестьян в Поволжье под руководством бывшего 22-й дивизии 4-й Красной Армии Восточного фронта А.П. Сапожкова и командира 23-й стрелковой “мироновской” дивизии Ф.И. Попова. Отряд восставших под командованием А.П. Сапожкова был разбит 6 сентября 1920 г. Повстанцы под командованием Ф.И. Попова были разбиты в апреле 1921 г., а сам Попов был расстрелян 9 мая 1921 г. Знал ли об этом составитель листовки неизвестно.

Что касается батьки Махно, который также упоминается в листовке, то его армия была разгромлена 18 июня 1921 г. под Недригайловым, а сам Махно с небольшим отрядом повстанцев в конце августа 1921 г. ушёл в Румынию. Но, по-видимому, данные сведения ещё не были известны А.С. Бакичу, или же он умышленно скрыл от своих соратников, что повстанческая армия Н. Махно уже не существует.

Обращение военного губернатора Маньчжурии Хатон-Батор-Вана к личному составу военных отрядов русских беженцев на территории Монголии

3 декабря 1921 г.
г. Уланком

Русские граждане!!!

Вы находитесь в стране, которая три года тому назад гостеприимно приняла Вас на свою землю, рискуя нарушить наши добрососедские отношения с Советской Россией. Вы должны помнить, что двери наших айлов были открыты для Вас как для несчастных беженцев и эмигрантов. Авантюра Унгерна ввергла Вас в новые бедствия и в новые несчастья. Вы напрасно старались тщетно восстановить якобы поправленные кем-то права, но Вы везде потерпели неудачу. Авантюра не удалась. Отряды Унгерна и Кайгородова разбиты и сам Унгерн пойман и находится в Ново-Николаевске. Отряд Сокольниковского разбился по Булугуну и вылавливается китайцами гаминами и ограбленными летом (Кайгородовым) киргизами. Остальные же жалкие, оборванные, голодные осколки Бакиче-Кайгородовского и Казанцевского отрядов скитаются по Урянхаю и р. Тархалыку не зная, что предпринять и не зная куда отправиться. Один из таких мелких отрядов во главе с самим генералом Бакичем со штабом и др[угими] солдатами после бесполезных скитаний сдался нам и находится в Уланкоме. Они только разоружены, а за офицерами и генералами, занимавшими должн[ости] сохранено

оружие. Все сдавшиеся размещены по теплым квартирам и получают от нас пищевое довольствие. Доказательством чему может служить предложение самого генерала. Русские граждане!! Пора кончить бесполезное кровопролитие. Пора приняться за мирную трудовую жизнь. Вас ждут на Родине со слезами на глазах Ваши родные, Ваши жены и дети. Бросьте сомнения, немедленно идите к нам. Сложите оружие как сложили Ваши товарищи во главе с честным генералом Бакичем и сколько бы не было трудно после черной анархии, пролетевшей над нашей Родиной, мы сколько возможно поможем Вам. Кому почему-либо нельзя вернуться на Родину тот останется у нас или выйдет в другую более гостеприимную страну, остальным же будет оказана помощь, чтобы вернуться в свои родные края и осушить слезы своим близким. Итак, братцы, долой оружие! Да здравствует мирная трудовая жизнь!

Монгольского отряда Сайт Дзяньзюнь⁵ Хатын Батр Дархэ-Ван

ГАНУ. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 217–217об.

Копия не заверенная. Рукописный текст.

Обращение заместителя представителя Наркомата иностранных дел РСФСР в Монголии А.Я. Охтина к Председателю Совета Министров Монгольского народно-революционного правительства Догсомыну Бодоо о выдаче генерал-лейтенанта А.С. Бакича и членов его отряда Советскому правительству

Не ранее 30 декабря 1921 г.

Почтенный гражданин.

Имею честь сообщить, что мною только что получено сообщение Революционного Военного Совета 5-й Советской армии, что банда Бакича общими усилиями Монгольской народно-революционной армии и частей русских Советских войск, ликвидирована. В период времени от 21-го по 26-е декабря с[его] г[ода] отряд генерала Бакича в Урянхае был разбит отрядом Советских войск под командой тов. Кочетова, при чем Бакич потерял до 500 чел[овек] убитыми и ранеными, много пленных и обоз. Потерпев окончательное поражение остатки банды Бакича во главе с самим Бакичем, преследуемые советскими войсками, бежали на Уланком, где были встречены частями Монгольской народно-революционной армии под командой Хатон-Батор-Вана. Видя безвыходное положение Бакич послал к Хатон-Батор-Вану делегацию для переговоров о сдаче. Хатон-Батор-Ван принял предложение генерала Бакича и его отряду сдалось до 700 чел[овек] бандитов во главе с генералами Бакичем, Степановым, Крахманом и др. Все пленные генералы, несколько полковников и обоз, отобранный у Бакича, Хатон-Батор-Ван направил в Ургу. Остальные же пленные направлены в Качегач. По тем же сведениям банды Карнаухова и Сокольниковского, пытавшиеся проникнуть в степи Гоби, но не удачно, в данное время в лице своих главарей обратились с просьбой к монгольским князьям о принятии их в Монгольское

⁵ Так в документе, имеется ввиду Цзянь-Цзюнь (кит.) – военный губернатор в Маньчжурии

подданство. Хатон-Батор-Ваном выслан отряд в числе 500 чел[овек] для захвата остатков банд Карнаухова-Сокольницкого.

Сообщая эту радостную весть почтенному Монгольскому народно-революционному правительству, выражая искреннюю радость победой, совершенной доблестной Монгольской народно-революционной армией и силой и мощью Красной Армии, стремившейся беспрерывно к великому делу освобождения от общего врага, от имени Революционного Военного Совета 5-й Советской Армии и Представительства РСФСР в Монголии поздравляю почтенное Монгольское народно-революционное правительство с победой и полным уничтожением нашего общего врага.

Этот бандит Бакич и его сподвижники совершали громадные преступления против рабоче-крестьянской России. Эти бандиты, начиная с периода окончательной ликвидации колчаковщины, принесли бедствия, мучения и смерть сотням, тысячам людей, уничтожали и зверски расправлялись с неповинными мирными жителями, сжигали их дома, разграбили до основания те места, где они проходили.

Выражая глубокую уверенность, что Монгольское народно-революционное правительство передаст нашего непримиримого врага бандита Бакича и его сподвижников русскому Советскому правительству для привлечения таковых к ответственности, как за настоящие преступления, так и за прежние деяния.

Примите мое искреннее и глубокое к Вам уважение.

П[одлинный] п[одписал]

Зам[еститель] представителя Наркоминдела РСФСР
в Монголии

[А.Я.] Охтин

ГАНУ. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 53.

Копия заверенная. Машинописный текст.

Опрос командира отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта А.С. Бакича в разведывательном отделе Штаба 5-й Красной армии и Восточно-Сибирского военного округа

28 марта 1922 г.

Ро[дился] в 1878 году [в] крестьянской деревне Забрдже Васевичевского округа. Подданный Югославии (черногорец).

Окончил шесть классов Белградского Александра короля Сербии гимназию. Военное образование – Одесское пехотное училище.

В Россию из Константинополя прибыл в 1900 году после того, как [в] 1898 году был изгнан из Сербии по подозрению в участии покушения на жизнь экс-короля. До этого, будучи гимназистом, участво[вал] [в] [н]ациональном движении. По приезде в Россию был прин[ят] [в] Одесское пехотное училище, которое окон[чил] по первому разряду в 1902 году в чине подпоручика и выпущен в 60-й Замоский пехотный полк. [В] 1904 году, по объявлению войны с Японией,

добровольно выехал на Дальний Восток и был принят в 8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк с которым и провел компанию. В начале 1905 года был откомандирован во вновь сформированный 41-й Сиб[ирский] полк, в котором пробыл до мая 1906 [года.] [...] ⁶ 1906 года вновь переведен в 8-й полк [...] ⁷, а в 1909 году перешел в [...] ⁸ пробыл до сентября [...] ⁹ [в чи]не штабс-капитана получил отпуск, а затем под[ал] [в] отставку. В отставке пробыл до начала русско-германской войны, занимаясь коммерческой деятельностью (агентом русско-монгольского товарищества). С объявлением войны вновь вступил в армию [в] 56-й Сиб[ирский] полк, с которым выступил на войну, и в котором пробыл до марта 1916 года, находясь все время в строю. В марте был откомандирован [в] 53-й Сиб[ирский] полк на должность комбата, в составе данной части получил производство в полковники в 1916 году. В конце 1916 года получил 55-й Сиб[ирский] полк, коим командовал до 30 мая 1917 года, после чего был от командования отстранен и назначен в резерв чинов Двинского военного округа.

Отстранен вследствие требования Полкового комитета моего отстранения и назначения вновь старого командира, который в 1916 году был отстранен от командования за неправильное донесение и доклад начдиву о боеспособности части в то время как два батальона отказались идти в атаку.

В период всей войны был ярым национал-патриотом и шел все время под лозунгом «Война до победного конца». К разразившейся [в] феврале 1917 года революции я отнесся двояко: во-первых считал ее несвоевременной для государства, участвующего в великой европейской войне, поскольку она безусловно должна была пред[ве]щать собой конец войны, и гибель национально-славянских планов; во-вторых против [н]ее принципиально ничего не имел. Был сторонником конституц[ионно]-демократического строя в каком [б]ы виде он не выразился, не исключая даже конституц[ионной] монархии. Не смотря на некоторое отрицание революции как несвоевременной, все же принимал участие в силу желания поддержать национальный порыв для победного окончания войны.

Пробыв в резерве до сентября 1917 года принял 545-й Ахтырский пех[отный] полк, коим командовал до февраля 1918 года одновременно выполняя обязанности начдива. К большевистской агитации [и] Октябрьскому перевороту отнесся отрицательно в силу введения принципа выборности в армии и поступков солдатской массы к офицерскому составу. Не разделял по убеждению их [...] ¹⁰ тактику и программу партии. К происходившему немного ранее выступлению Корнилова определенного отношения не имел, равно и не вынес определенного впечатления. Как к Главнокомандующему относился с уважением, и считал его военным авторитетом и патриотом. Движение его принимают как идею создания

⁶ Утрачена часть строки

⁷ Утрачена часть строки

⁸ Утрачена часть строки

⁹ Утрачена часть строки

¹⁰ Слово зачеркнуто машинописным способом (9 знаков)

апполитичной [аполитичной?] армии, и в данном отношении взгляды его разделяю. В период командования [...] ¹¹ 545-м полком ни какого участия в политической жизни страны не принимал, исключительно занимаясь управлением частью. В феврале 1918 года по[сле] демобилизации [уе]хал из Киева к семье в Петроград. В Петрограде пробыл до 1 марта и после наступления немцев на Псковском направлении, выехал с семьей совместно с сербской комиссией в Саратов, где должны были стоять сербские полки, отступившие с Одесского направления. Не застав их здесь, с миссией уехал в Самару, куда вскоре прибыло два сербских полка. Цель поездки с миссией – эвакуация несколько задержалась вследствие маршрута ее на Волгу – Архангельск, и я остался с семьей и частью сербов в Самаре, занявшись коммерческой деятельностью. В подпольной работе против Советской власти в этот период участия не принимал, ибо считал ее противной. Имел намерение выехать на Дальний Восток, но за отсутствием пропуска выполнить намерение не представлялось возможным. Чехословацкий переворот застал меня в Самаре. После выступления я около месяца жил на даче близ Самары и в разворачивающихся событиях участия не принимал. 2 июля по мобилизации получил предписание Штаба Народной армии отправиться в распоряжение члена военного штаба Лебедева в города Сызрань. По прибытии туда назначен был командующим Сызранской группой войск и начдивом 2-й Сызранской [дивизии]. В составе дивизии принимал участие в обороне Сызрани и [в] боях с красными. По отступлении из Сызрани дивизия ушла на Бузукское направление, и далее с боями на Оренбургское. За Бузулуком с дивизией ушел в резерв на разъезд Сакмарский, а подошедшие Оренбургские части остановили наступление красных.

После десятидневного отдыха дивизия в составе бригады и одного Казполка с батареей была двинута на правый фланг Бузулукской группы, где башкирские войска отказались от участия в войне на стороне [...] ¹² белых. В декабре 1918 года под натиском красных пришлось отходить на станицу Сакмарскую, а затем вдоль железной дороги на Орск, где частями 2-го Оренбургского корпуса наступление красных было приостановлено. 16 февраля 1919 года я получил телеграмму командарма о назначении меня командующим 4-м Оренбургским армейским корпусом, который был сформирован из 2-й Сызранской, 5-й стрелковой Оренбургских дивизий и 1-й казачьей конной бригады. Приняв командование корпусом получил директиву двигаться по тракту от Орска на Тома[...]ское [...] ¹³ Кизильское и дальше на Верхне-Уральск. В районе [станций] Кизильская [и] Магнитная корпус остановился, наладив связь с Уфимской группой. В начале марта была сформирована ставкой Южная группа из 5-го Стерлитамакского и 4-го Оренбургского корпусов под общим руководством генерала Белова.

¹¹ Слово зачеркнуто машинописным способом (5 знаков)

¹² Слово зачеркнуто машинописным способом (7 знаков)

¹³ Слово зачеркнуто машинописным способом (9 знаков)

[В] апреле месяце 1919 года происходило общее наступление колчаковской армии и Южная группа, совместно с Оренбургской армией двинулась вперед. Но уже в начале мая вновь пришлось отступать. В июне месяце началась перегруппировка частей и корпус был переброшен на правый фланг армии под Верхний [...]альск, где уже в августе начались бои и дальнейшее отступление на Актюбинск. Здесь Белов фланговым движением тыла и [фронт]а от Троицка до Актюбинска погубили всю армию. Мой корпус пошел по моему личному приказанию на Атбасар и дальше в долину реки Ишим. Неисполнение мною приказа Белова являлось следствием не умелой оценки последним создавшегося положения и неумелого руководства Белова операцией.

По выходу в долину Ишима, я был подчинен ставке и получил от нее распоряжение остановиться. Вскоре приказанием ставки Белов был отозван в Омск и из Южной армии сформировано Оренбургская под командованием Дутова, к каковой был придан и мой корпус. Вновь сформированная армия все же натиска красных не сдержала, и из района [...] ¹⁴ Атбасар – Актюбинск стала с арьергардными боями отходить на Акмолинск – Каракалинск имея большие потери тифозными больными. Ориентировка в численности и расположении красных частей была плохая и сведения добывались весьма скудно, и дальше фронтовой разведки не шли. Объясняю я это плохой постановкой разведывательного дела.

Уже в период отхода Дутов имел намерение обосноваться в Семиречье, оздоровив свою армию за счет отрядов Аненкова, и о чем он уже стал сноситься с последним. По приходе же в Сергиополь выяснилось, что Анненков не только не подчинится Дутову, но и не желает помочь материально и продовольствием и фуражом. По прибытии 30 декабря 1919 г. Дутова в Сергиополь после разговора по проводу с Аненковым Дутов вы[ехал] в ставку его станицу Урджарскую, где имел совещание на котором решено было из двух армий сформировать одну под командой Анненкова, дав ей название отдельной Семиреченкой. Оренбургская армия переименовывалась в отряд атамана Дутова и командование было возложено на меня. В начале я отказывался, но после категорического приказа согласился. Подкладка этого совещания была такова: Дутов и Анненков имели намерение отстоять Семиречье образовать самостоятельное правление в коем Дутов будет вестить гражданской властью со стоянкой в Лепсинске, а Анненков – военной. После соединения Анненков, пользуясь властью командарма, велел большинство лучшего имущества отряда Дутова сдать в свой отряд, оставив мои части почти без ничего. Одновременно я с согласия Аненнкова ездил в Чугучак с целью познакомиться с русским консулом и китайским губернатором. Эта поездка отнюдь не преследовала цели подготовки почвы для интернирования, а носила характер визита.

Между тем наступление красных стало развиваться и наши части под их давлением стали отходить: Анненков на перевал Баратоллу, а я – на Бахтый. Отходя я стал вести переговоры через консула Долбежева согласно директив Аненкова с

¹⁴ Слово зачеркнуто машинописным способом (8 знаков)

китайским губернатором об интернировании, которое с согласия генерал-губернатора и произошло 14–17 марта 1920 г. Условия интернирования были таковы: сдача кит[айским] властям всего оружия за исключением 60 винтовок на отряд, взятие нас под покровительство и выдача полтора джина¹⁵ муки на человека в день. Остальное довольствие должно было производиться из армейских сумм, которые равны были 150 000 керенских, 16 000 000 сибирок и 240 пудов разменного серебра, полученного мной от консула Долбежева. Одновременно Анненков интернировался в Бараттолы, а Дутов – в районе Кульджи.

Связи у меня к этому времени ни с Анненковым, ни с Дутовым не было, так как с Анненковым я был в натянутых отношениях вследствие его письма Долбежеву в котором он обвинял меня в неправильной информации о боеспособности моего отряда и умышленном отступлении. А с Дутовым не было связи в связи с отсутствием технических средств. После перехода границы китайцы обязали меня наблюдать за порядком в лагере, который был отведен на реке Имиль и быть ответственным за все события.

После расквартирования частей лагерем, китайцы предложили мне сдать 75% всех лошадей [в] киргизские табуны якобы для кормежки, на самом же деле, как я узнал позднее, с целью лишить меня средств передвижения и обезопасить себя в этом отношении. Интернировавшись в Китай, я решил отказаться от вооруженной борьбы с советской властью, и жить мирно до тех пор, пока мы не сможем безопасно вернуться к своим семьям, или пока не позовет нас народ, т.е. правительство, которое не будет считать нас врагами. Интернировался я в составе приблизительно около 12 000 человек, считая семьи из войсковых соединений были 1-я Оренбургская казачья дивизия, 2-я казачья дивизия, 2-я Сызранская дивизия и атаманский атамана *Дутова*¹⁶ полк. В след за интернированием я послал телеграмму на Восток через русского посланника в Пекине Кудашева с просьбой о материальной [по]мощи, ответ на которую я получил от генерала Анисимова и Шильникова. Последний сообщал из Читы, что помощь обещана, а первый из Харбина, что Семенов ассигновал 100 000 иен, но Воен[ный] совет Востока отказал.

Взаимоотношения с китайцами в этот период были самые лучшие. В мае месяце 1920 года я отдал приказ коим разрешал желающим вернуться в Россию. До 25 мая ушло по приказу через Зайсан до 5500 солдат и офицеров.

Довольствие китайцы выдавали мне по числу едоков, при чем не гнушались и тем, чтобы обвесить и выдать меньше. На этой почве были некоторые недоразумения, однако не доходившие до серьезных осложнений. Возможно, что они боялись меня ибо войска их в этом районе по численности не более 1 000 пехоты и кавалерии, и [по] качеству были весьма слабы.

В августе китайцы предложили мне двинуться на Восток [в] Манчжурию и после моего согласия двинуться южной императорской дорогой получил отказ,

¹⁵ Так в документе, имеется ввиду цзинь (0,5 кг)

¹⁶ В тексте «Анненкова» зачеркнуто, сверху подписано карандашом «Дутова»

мотивированный не пропуском соседней провинцией. Полагаю, что истинная причина не пропуска была тесно связана с нашествием в это время Унгена на Монголию.

В сентябре китайцы, совместно с консулом Долбежевым, стали усиленно предлагать моим частям возвращение в Россию. Эти предложения проводились без моего ведома, видимо предполагая, что я задерживаю возвращение в Россию.

В этом же месяце через князя Кудашева я посылал телеграммы с просьбой о материальной помощи в Париж и Японию к русским орг[ан]изациям помощи беженцам, но ответа не получил.

С Анненковым за все это время у меня не было связи. С Дутовым велась переписка частного характера. В переписке Дутов спрашивал о состоянии частей и проч[ем]. В сентябре был получен от него оперативный приказ о формировании Оренбургской армии, со штабом в районе Кульджи (Сюйдун) намечался поход на советскую Россию в район Семиречья и организации там восстания. Мне предлагалось занять должность помощника атамана Дутова и двинуться со своим корпусом через Бахты на Капал и Верный. Параллельно с этим предполагалось силой добыть оружие у китайцев. Приказ был привезен Кульджимским купцом не то сартом, не то китайцем. Совместно было и письмо частного характера с просьбой [о] выдаче 30 пудов серебра, за которым должно было приехать доверенное лицо.

В это же время в районе Чугучака есаулом Остроуховым стал формироваться партиотряд для *операций*¹⁷ в Зайсанском направлении. Отряд должен был сформироваться из 2-го атамана Дутова¹⁸ полка, входившего в мой корпус. За эту попытку полк был расформирован, руководители формирования преданы военно-полевому суду и переданы китайским властям.

Приказ Дутова сочувствия в корпусе не встретил и после обсуждения был отвергнут и Дутову дан в отрицательной форме ответ. В октябре месяце ко мне прибыл адъютант и вридштаба Дутова капитан Папелгут с доверенностью на получение серебра и с личными директивами Дутова. На собрании старших начальников было решено выдать серебра не более шести пудов, но т.к. три пуда до этого мной самостоятельно было ему отправлено, то было выдано еще три пуда. Следствием этого поступка явился полный разрыв в отношениях с Дутовым и его крайнее недовольство мной. В октябре месяце генер[алом] Анисимовым мне было переведено на Русск[о-]Аз[иатский] банк 10 050 кит[айско-]шанх[айских] лан¹⁹, которые банк просил оставить на текущий счет в Урунчийских тезах, на что я согласился, сговорившись держать валютой. Произошло недоразумение, в которое вмешался и Дутов, издавший приказ 19 января 1921 г. о моем смещении и назначении Шеметова, дав одновременно совершенно секретные инструкции полковнику Савину о приведении приказа в исполнение хотя бы силой. Савин

¹⁷ В тексте «направления» зачеркнуто, сверху карандашом написано «операций»

¹⁸ В тексте «Анненкова» зачеркнуто, сверху подписано карандашом «Дутова»

¹⁹ Так в документе, имеется ввиду лян - мера веса, а также денежная единица в Юго-Восточной Азии

вошел в общение с Шишкиным, командиром повстанческого отряда, прибывшего в район Чегучака в конце 1920 года, и стал деятельно готовиться к выступлению. Узнав об этом я Савина арестовал и передал кит[айским] властям. Шишкин же и Остроухов были арестованы китайцами и отправлены в Урумчи. После этого началось успокоение и части стали вести полевые работы на отведенных участках и в самом лагере. Для этого было отпущено около шести тысяч лан. Приблизительно с этого же времени, китайцы стали относиться к русским хуже на почве того, что Анненков стал проявлять активность в районе Гучен, и генералом-губернатором было выпущено соответствующее воззвание к русским и, в частности, к Анненкову. В начале апреля стала работать комиссия Туркестанского края и вести переговоры с кит[айскими] властями о возвращении беженцев и интернированных в Россию. Результатом этого было воззвание китайских властей к русским гражданам на китайской территории о возможности возвращения в Россию.

В мае месяце в район Чугучака прибыли Петропавловские повс[та]нцы во главе [с] подхорунжим Токаревым, сообщившие нам о положении в России и мотивах восстания. Впечатление от их рассказов было не радостное и рисовало в России тяжелую жизнь. Восстание, как они говорили, подняли только крестьяне.

Вследствие того, что Токарев был выборным начдивом и не имел соответствующего чина, я произвел его в полковники, но отнюдь не за восстание. В начале эта дивизия была самостоятельная и к корпусу не присоединялась, и лишь за несколько дней до нападения на нас экспедиционного отряда были присоединены к корпусу под наименованием народной дивизии.

23 мая со стороны Бахты стал двигаться на нас экспедиционный отряд и поэтому 24 мая корпус снялся с лагеря и без боя двинулся в восточном направлении, захватив с собой часть охраняющих нас китайцев во главе с комендантом Цюй-Дарин. В лагере же для прикрытия отхода остался арьергард 150 человек с коноводами под командой полковника Савельева. 25 мая мы были в районе [...] ²⁰ Добржина, где получили от китайцев муку, заверив их в дружелюбии и двинулись дальше.

На следующем переходе 26 мая я обезоружил охраняющих нас китайцев и изъяв винтовки и патроны, отпустил их, снабдив продуктами. Коменданта я оставил при себе как свидетеля своих дальнейших действий. До реки Дан экспедиционный отряд нас все время преследовал и дойдя до пустыни очевидно остановился, так как дальнейшее преследование прекратилось.

В это время наперерез нам со стороны Зайсана шел отряд два батальона со штабом Кавполка, который спустился к долине реки Кабук. Здесь 3 июня произошел бой, в котором красные потерпели поражение. С нашей стороны было около 30 убитых и раненных, в большинстве офицеров. Красные взяли в плен около

²⁰ Слово зачеркнуто машинописным способом (10 знаков)

20 человек, обезоружили, и вскоре отпустили, дав им на дорогу денег и продуктов. До озера Улунгур преследование продолжалось.

На пути я разрешил желающим возвратиться в Россию и снабдил их на десять дней продовольствием. Ушло около 200 человек. От Улунгур корпус пошел на Шара-Суме трактом севернее озера.

На Иртышской переправе китайцы хотели остановить отряд. Начались переговоры, но вследствие их затяжки я принужден был самостоятельно начать переправу, для чего обезоружил китайскую охрану переправы. Китайский губернатор города Шара-Суме, узнав о переправе и получив ложное донесение о расстреле мной охраны переправы, застрелился, а войсковые китайские части стали грабить город. 17 июня из Шара-Суме прибыли делегаты с просьбой прекратить бесчинства в городе, а 18 [июня] я выступил [на] Шара-Суме с отрядом [в] 40 вооруженных [человек] и 60 не вооруженных. При подходе к мосту у Шара-Суме я был обстрелян китайцами, после чего отошел и стал вести переговоры, которые ни к чему не привели, и мне пришлось спустя десять дней занять город с боя (2 июля). Заняв город мы увидели полное его разграбление и 40 человек убитыми русских граждан и полнейший хаос. Китайцы отступили, не приняв боя.

Здесь мы решили обосноваться на отдых и зимовать. Стали заниматься полевыми работами. Числа 10 июля я через Киргис получил от наштаба Кайгородова – Сокольниковского приказ Унгерна № 15, и в противовес ему была выработана штабом программа власти, сущность которой сводилась к народовластию. Из Шара-Суме было послано два письма Хутухте и барону Унгену, в которых указывалось на занятие Алтайского округа и о нахождении корпусов в Шара-Суме. Письма к Унгерну дальше Кобдо не шли. Ответа от Хутухты не было. Так прошло около двух месяцев. Находясь в Шара-Суме я узнал о движении 13-й кавдивизии через перевалы и долину Кобдо и в 13 верстах от города мои отряды после столкновения отошли обратно на Шара-Суме вслед за чем весь корпус вновь двинулся на Восток [в] направлении на озеро Толбоноор, где намеревались зимовать. Войска пошли северными перевалами, захватывая южную окраину озера Н.Кобдо, а обозы южными население Мойки. *Был отдан приказ, которым разрешалось желающим вернуться в Россию. Ушло около 4-х тысяч.*²¹

Числа 17 – 18 сентября корпус вошел в связь с частями Кайгородова, который у Курэ восточнее озера вел засаду Ба[й]калова. Кайгородов заявил мне о необходимости идти в Алтай, где уже вспыхнуло восстание и в подтверждение своих слов познакомил меня с тремя повстанцами Онгудайского района. Идти на Алтай я не согласился ответив, что в восстание не верю и не вижу необходимости открывать военные действия. После этого Кайгородов двинулся на Кош-Агач, где имел бой с красными, а я принял осаду Байкалова, решив как-нибудь с ним покончить и остаться зимовать на реке Кобдо.

²¹ Рукописная вставка

Одновременно я перестроил корпус, сведя дивизии в полки, дивизионы и батальоны. Корпус насчитывал в своем составе около 5 000²² человек имел: 1-й Оренбургский казполк (бывшая 1-я Оренб[ургская] дивизия), 2-й Оренб[ургский] казполк, Сызранский дивизион, конвойный дивизион и атаманский дивизион. При чем 1-й и 2-й казполки вскоре были переименованы в дивизионы.

Числа 19 октября 1-й дивизион присоединился к полковнику Сокольникову не разделявшему взглядов Кайгородова, и совместно с ним двинулся на юг в количестве около 500 бойцов, большинства офицеров и 6 пулеметов. А я отправился к обозу на реке Кобдо с целью узнать причину ухода дивизиона и на обратном пути имея намерение войти в переговоры с Байкаловым. Получив сообщение от генерала Смолина о том, что Байкалову идет со стороны Кош-Агач поддержка наши части отошли на юг. По о[...]де частей к обозу, я издал приказ, коим разрешал всем от генерала до солдата возвратиться в Россию, но от оставшихся требовал безусловного подчинения. Ушло около 2 000 человек. К этому времени ко мне присоединились остатки [отряда] Кайгородова около 200 человек, являющихся жителями Урянхайского края во главе с Казанцевым. Последний стал вести агитацию за уход в Урянхай, где за отсутствием регулярных войск и достаточных запасов продовольствия можно было спокойно перезимовать и заняться полевыми работами. Я под давлением этого согласился и двинулся по направлению Уланком с целью пройти в подхребетный район. Не доходя до Уланкома я получил воззвание Байкалова, адресованное мне и Сокольникову с предложением вступить в переговоры, но в виду того, что переговоры отряд [вос]принял как [...] ²³ измену [...] ²⁴ с моей стороны я пошел дальше. То есть на Урянхай.

На реке Торголик (что у озера Убса) я собрал совещание старших начальников на котором указывал на возможное столкновение наших с красными частями, но после того как большинство высказалось за движение в Урянхай я принужден был на это согласиться. На совещании я предлагал не идти в Урянхай, а пока задержаться на реке Тесь около озера Упса а оттуда послать делегатов и разведку, дабы узнать на каких условиях Урянхайцы могут нас принять. Вопреки моему взгляду мнение остальных было двигаться незамедлительно в Урянхай, где и зимовать. За это движение сильно агитировал отряд Казанцева, который совместно с некоторыми офицерами моего отряда думали по приходе в Урянхай меня арестовать и во главе всех сил поставить нового начальника. По приходе в долину реки Элегест разведка донесла, что партизаны и регулярные войска в количестве около 2 000 человек расположены в крае. Придя на зимовку Огнева (около Атамановки) я решил выслать для переговоров делегацию, но мнения разошлись и подавил взгляд, двигаться без переговоров чтобы не было затяжки, которые наблюдались под Шара-Сума и долине Кобдо.

²² Над цифрой сверху написано карандашом 4 500

²³ Зачеркнуто машинописным способом (4 знака)

²⁴ Зачеркнуто машинописным способом (10 знаков)

8 декабря утром мы подошли к Атамановке, где были встречены регулярными войсками и партизанами, вышедшими нам в тыл из деревни Щек. После короткого боя в коем мы имели потери большей частью из Казанского отряда и в котором погиб сам Казанцев, мы отошли на север и вышли на перевал Элегаст. 10 декабря к вечеру я подошел на 10 верст к обозу, который уже был захвачен красными, и, не желая создавать панику и резню, отошел к перевалу. Вместе с остатками обоза, не вступая в бой с красными, я начал отход на юг. Я было пытался вновь доказать всему отряду, что с потерей обоза и при отсутствии средств существования необходимо сдаться, но опять решили пойти на Монголию. И 16 декабря мы прибыли в Уланком. Не доходя 5 верст отряд был встречен монгольскими разведчиками Хатон-батара. В свою очередь я выслал разведку, которая донесла, что в Уланкоме находятся регулярные монгольские войска и что начальник их передового отряда просит кого-либо из офицеров для переговоров. Я послал полковника Кострева и, после того, как он сообщил, что в действительно в Уланкоме регулярные войска, совместно с инструкторами РСФСР я решил вести переговоры о сдаче оружия. Условия были выработаны следующие: я сдаю все оружие, а Монгол[ьское] правительство берет нас под свое покровительство и тем, кому нельзя будет возвратиться в Россию будет разрешено перезимовать в Монголии, а затем выехать по желанию. Обеспечение продовольствием Монгол[ьское] правительство берет на себя в количестве двух фунтов мяса на человека. В результате этих переговоров условия были приняты и началась сдача оружия *и отряда*²⁵ 16 – 17 декабря 1921 г.

Опрос произвел начразведотар 5-й [Красной армии] Репин.²⁶

*ГАНУ. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 67–77.
Копия заверенная. Машинописный текст.*

**Заключение полномочного представителя ГПУ по Сибири
И.П. Павлуновского по делу командира Отдельного Оренбургского корпуса
генерал-лейтенанта А.С. Бакича и его штаба**

12 мая 1922 г.
г. Новониколаевск

С разгромом армий Колчака остатки Отдельного Оренбургского корпуса под командой генерала Бакича, согласно приказа командующего Южной армией атамана Анненкова от 20 января 1920 г., в целях сохранения корпуса для борьбы с советской властью, перешли китайскую границу с оружием и боевыми припасами и остановились лагерем на р. Эмилъ (том 18, стр.33, 5 и 7)²⁷.

²⁵ Рукописная вставка

²⁶ Вписано от руки

²⁷ Здесь и далее ссылки на следственное дело.

Перешедшие границу Китая остатки Оренбургского корпуса были потрепаны, деморализованы и в первое время ни к каким активным действиям против советской власти не были способны. Учитывая не боеспособность корпуса, генерал Бакич ставил себе задачей сохранить корпус как военно-боевую организацию до того момента, когда события в Советской России потребуют активных действий корпуса (том 1, стр. 36, том 18, стр. 7 и 9).

Материальные и денежные средства на содержание отряда генерал Бакич получал от китайских властей, атамана Семенова и Японии. Считал же Оренбургский корпус частью армии, во главе которой стали Врангель и Семенов, генерал Бакич телеграфно обратился за помощью к ген[ералу] Врангелю, бывшему русскому послу в Пекине кн[язю] Кудашеву, Хорвату и др[угим] (том 1, стр. 32,33, том 2, стр. 1, 2 и 10).

В мае 1921 г. на р. Эмилъ прибыла из Советской России так называемая Народная дивизия под командой есаула Гноевых и полковника Токарева и вошла в подчинение генералу Бакичу. Дивизия состояла из повстанцев Ишимского и Петропавловского районов. Установлено, что Народная дивизия в Каркаралинске расстреляны и зарублены все коммунисты и советские работники.

Избегая еще столкновений с частями Красной армии, народная дивизия и Оренбургский корпус, под общим командованием ген[ерала] Бакича, 24 мая 1921 г. снялись с р. Эмилъ и двинулись походным порядком к китайской крепости Шара-Сумэ, 2 июля, заняв с боем Шара-Сумэ, генерал Бакич остановился в ней лагерем (том 18, стр.5).

В июле 1921 г. генералом Бакичем была установлена связь с действовавшими против советской России начальником Сводно-русско-инородческого партизанского отряда есаулом Кайгородовым и начальником Азиатской конной дивизии генералом бароном Унгерном. От барона Унгерна и есаула Кайгорода генерал Бакич получил сведения о предполагавшемся объединенном наступлении на сов[етскую] Россию атамана Семенова, барона Унгерна, есаула Кайгорода и других, и приказ барона Унгерна № 15. Согласно этого приказа, барон Унгерн ведет наступление на Троицко-Савск и район реки Селенги, полковник Казагранди – на Иркутскую губернию, атаман Казанцев – на Минусинский район Красноярской губ[ернии] и есаул Кайгородов – на Алтайскую губ[ернию] (том 18, стр. 1,3,4 и 5).

По получении приказа барона Унгерна № 15, Отдельный Оренбургский корпус и Народная дивизия приступили к военной подготовке наступления на советскую Россию. В письме от 23 июля 1921 г. № 1529 генерал Бакич уже сообщает есаулу Кайгородову, что он приступает к выполнению приказа барона Унгерна, главные силы группирует на линии Бурчум и избирает оперативное направление вдоль Иртыша (том 18, стр.6).

В донесении барону Унгерну генерал Бакич сообщает: «после некоторого отдыха в районе Шара-Сумэ предполагаю очистить весь Алтайский округ от китайцев и приступить к выполнению Вашего приказа» (том 18, стр.5). В письме к Императору Монголии, в копии [адресованной] Унгерну, ген[ерал] Бакич пишет

следующее: «Ныне я с войсками нахожусь в районе города Шара-Сумэ, где думаю немного отдохнуть, и затем продолжать начатое дело освобождения своей родины от коммунистов»... «Я прошу от Вас помощи оружием, патронами для своих войск, а равно и распоряжения о предоставлении возможно скорее моим войскам продовольствия» (том 18, стр. 7 и 8).

Успех вооруженного наступления генерал Бакич, есаул Кайгородов и барон Унгерн ставили в зависимость от развития белогвардейского и повстанческого движения в советской России. [...] ²⁸ Есаулом Кайгородовым и штабом генерала Бакича еще возлагались большие надежды и на социалистов-революционеров, и [на] крестьянский союз, которые, по мнению есаула Кайгородова, должны были облегчить дело вооруженного свержения Советской власти. Есаул Кайгородов в письме генералу Бакичу указывает: «Уничтожив обессиленного противника партизанскими налетами, мы на его плечах легко проникаем в Россию, где население, не смотря на все уступки большевиков, подготавливается к тому, чтобы сбросить большевистское ярмо. Там повсеместно ведется широкая пропаганда социалистами-революционерами, имеется сеть крестьянских союзов» (том 18, стр. 1). Генералы Бакич и Смольнин показали, что с оценкой есаула Кайгородова роли социалистов-революционеров и крестьянского союза в деле свержения советской власти они согласны и считают, что свергнуть советскую власть можно при одном условии – «при условии объединения в борьбе с советской властью всех партий, - нас, эсеров, кадетов, беспартийных» (том 2, стр. 2-3, том 1, стр. 31). Генералы Бакич и Смольнин полагают, что объединение всех этих партий и групп можно провести на платформе борьбы за Учредительное Собрание, так как лозунг «Учредительное Собрание может объединить все группировки, выдвигающие идею народовластия» (том 2, стр. 3).

По мнению генерала Бакича, по свержении Советской власти, правительство должно быть коалиционным; в него должны входить кадеты, эсеры, меньшевики, беспартийные (том 1, стр. 31).

Учитывая, таким образом, что без поддержки народного движения белогвардейские части Красной армией будут разбиты, а также полагая, что народное движение легче можно вызвать под демократическими лозунгами «Учредительное Собрание» и т[ак] д[алее], штаб генерала Бакича, одновременно с военной подготовкой вооруженного выступления на советскую Россию, проводит и политическую подготовку, цель которой вызвать восстание крестьян, разложить части красной армии и дать демократические лозунги наступлению. В этих целях штабом генерала Бакича вырабатывается демократическая программа власти и вырабатываются лозунги народовластия. Красноармейским частям и к населению рассылаются воззвания с призывом к борьбе с советской властью. Лозунгами наступления намечаются: «долой коммунистов, да здравствует советская власть», «долой комму, да здравствует власть свободного личного труда». Приказом по

²⁸ Слово зачеркнуто машинописным способом (13 знаков).

корпусу и Народной дивизии объявляется, что все части должны завести красные знамена, левый верхний угол которых должен быть трехцветным (том 18, стр. 9, 10 и 13, том 10, стр. 3).

В Алтайской губ[ернии] есаулом Кайгородовым, в целях поднять крестьянское движение, одновременно выбрасываются лозунги: «да здравствует Учредительное Собрание», «да здравствует Всероссийский крестьянский союз», «Долой жидов и проклятых коммунистов».

В сентябре 1921 г. генерал Бакич повел наступление на советскую Россию. В боях с экспедиционным корпусом Красной армии, Оренбургский корпус и Народная дивизия были разбиты, распылены и частью взяты в плен. Сам генерал Бакич со штабом бежал в Монголию. Войсками Монгольского правительства генерал Бакич был взят в плен и передан Советской власти.

Материалами по делу генерала Бакича и его штаба установлено, что Семиречье и территория Китая в течение всего 1920–[19]21 гг. являются базой сосредоточения всех остатков белогвардейщины и организации их с помощью Японии для вооруженного нападения на Советскую республику. Начальник штаба генерала Бакича генерал Смольнин показывает: «Осенью 1920 г. в Чугучак прибыли японские офицеры Нагамини и Сато. Я и генерал Бакич вели с ними переговоры о возможности поддержки Японией Отдельного Оренбургского корпуса. В последних числах декабря 1920 г. в Чугучак прибыл японский майор Цуга. Я и генерал Бакич вели с ним переговоры. Из разговора с японским майором Цуга у меня создалось впечатление, что он прибыл с миссией объединить отряды атамана Дутова, генерала Бакича, атамана Анненкова в один отряд с общим командованием» (том 2, стр. 2). Уже в декабре 1920 г. атаман Дутов в Семиречье организует отряды для борьбы с советской властью и сообщает: «действуйте по усмотрению; мною ведется большая работа по всему Семиречью до Ташкента. Имейте связь со мною, чтобы там поддержать восстание во время. Я имею связь с Харбином и генералом Врангелем». И, наконец, в Монголии и на китайской территории, при участии Японии, из русской белогвардейщины организуется и объединенное наступление на советскую Россию банд генерала Унгерна, есаула Кайгородова и генерала Бакича.

Таким образом, по делу установлено:

- 1) Что Оренбургский корпус под командой генерала Бакича ушел на китайскую территорию с целью сохранить себя как военно-боевую организацию для дальнейшей борьбы с советской властью.
- 2) Находясь на китайской территории Оренбургский корпус и пришедшая туда в мае 1921 г. так называемая Народная дивизия под командой Токарева и Гноевых готовились для вооруженной борьбы с советской Россией.
- 3) В целях подготовки свержения советской власти, генерал Бакич со штабом вошли в связь с Японией и Императором Монголии.

- 4) Во исполнение приказа Унгерна № 15, Отдельный Оренбургский корпус и Народная дивизия приняли участие в объединенном вооруженном наступлении на советскую Россию.

Ввиду всего изложенного, генерала Бакича и его штаб: генерал-майора Смольнина, генерала Кирхмана, генерала Шеметова, генерала Колокольцева, генерала Степанова, подполковника Полинова, полковника Савельева, полковника Троицкого, Полковника Кострова, полковника Евстратова, полковника Токарева, полковника Сизухина, капитана Козьминых, благочинного Отдельного Оренбургского корпуса Георгиевского, курьера барона Унгерна корнета Шегабетдинова и полковника Степанова Михаила²⁹ передать Сибирскому отделению Верховного трибунала для предания суду.

Полномочный представитель ГПУ
по Сибири

[подпись] [И.П. Павлуновский]

*ГАО. Ф. Р-1146. Оп.1. Д.140. Л. 138–142.
Подлинник. Машинописный текст. Подпись-автограф.*

Приговор Военной Коллегии Сибирского Отделения Верховного Трибунала ВЦИК по делу командира Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта А.С. Бакича и его штаба, обвиняемых в вооруженной борьбе с Советской властью

25 мая 1922 г.

г. Новониколаевск

1922 года мая 25 дня именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Военная Коллегия Сибирского Отделения Верховного Трибунала ВЦИК в открытом судебном заседании в составе: председателя т[оварища] Опарина и членов т[оварищей] Вележева и Хроматко, рассмотрев дело о командире Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанте Бакиче и его штабе, обвиняемых в вооруженной борьбе с Советской властью и приняв во внимание объяснения обвиняемых и все обстоятельства дела, добытые на предварительном и судебном следствиях, постановила: 1) Командира Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта Бакича Андрея Степановича, 43 лет, из крестьян, беспартийного; 2) Начальника штаба и заместителя генерала Бакича генерал-майора Смольнина-Терванда Ивана Ивановича, 34 лет, из крестьян, беспартийного; 3) Инспектора артиллерии генерал-майора Кирхмана Дмитрия Николаевича, 39 лет, из дворян, беспартийного; 4) Заместителя командира означенного корпуса генерал-майора Шеметова Алексея Семеновича, 40 лет, из казаков, беспартийного; 5) Комбрига генерал-майора Колокольцева Александра

²⁹ Рукописная вставка.

Сергеевича, 52 лет, из казаков, беспартийного; 6) Начдива генерал-майора Степанова Разумника Петровича, 32 лет, из казаков, беспартийного; 7) Комполка подполковника Польшова Гавриила Семеновича, 34 лет, из крестьян, беспартийного; 8) Комполка полковника Савельева Тимофея Осиповича, 39 лет, из казаков, беспартийного; 9) Начальника оперативного отдела полковника Троицкого Василия Николаевича, 33 лет, сына чиновника, беспартийного; 10) Оберквартирмейстера полковника Кострова Сергея Ильича, 36 лет, сына полковника, беспартийного; 11) Начштадива подполковника Евстратова Михаила Тимофеевича, 31 года, из мещан, беспартийного; 12) Начальника контрразведки капитана Козминых Виктора Константиновича, 35 лет, из мещан, беспартийного; 13) Начдива полковника Токарева Семена Георгиевича, 34 лет, из крестьян, беспартийного; 14) Начштадива полковника Сизухина Ивана Захаровича, 36 лет, из казаков, беспартийного; 15) Дивинтенданта полковника Степанова Михаила Александровича, 36 лет, из казаков, беспартийного; 16) Благочинного Отдельного Оренбургского корпуса священника Георгиевского Федора Михайловича, 54 лет, сына священника, беспартийного; 17) Курьера генерала Бакича корнета Шегабетдинова Михаила Назаровича, 28 лет, из крестьян, беспартийного – признать виновными Бакича, Смольнина, Кирхмана, Савельева, Троицкого, Кострова, Евстратова, Козминых, Степанова Михаила, Шегабетдинова и Георгиевского во-первых, в том, что представляя из себя штаб Отдельного Оренбургского Корпуса, действовавшего в 1919 году против Красной Армии на территории Оренбургской губернии и Киркря, ушли в начале 1920 г. во главе этого корпуса, численностью около 16000 человек на китайскую территорию с целью сохранить себя, как военно-боевую организацию, для дальнейшей борьбы с Советской властью; во-вторых, в том, что находясь на китайской территории, готовили означенный корпус для дальнейшей вооруженной борьбы с Советской властью; в-третьих, в том, что в целях подготовки свержения Советской власти вошли в связь с Японией и с бывшим тогда у власти реакционным правительством Монголии; в-четвертых, в том, что во исполнение приказа барона Унгерна №15 приняли участие в объединенном вооруженном наступлении на советскую Россию, а Токарев и Сизухин оба в том, что, командуя так называемой Народной дивизией, принимавшей участие в вооруженной борьбе с Советской властью в 1921 г. в районе Ишимского и Петропавловского уездов, во главе этой дивизии в мае 1921 г. ушли из пределов России с целью продолжения борьбы с Советской властью, присоединившись к Отдельному Оренбургскому корпусу и в составе этого корпуса принимали участие в вооруженном наступлении на Советскую Россию и, во-вторых, в том, что уходя из пределов России на соединение с отдельным Оренбургским корпусом, в г. Каркаралинске и его уезде подвергли полному истреблению попавших в их руки коммунистов, ввиду чего, руководствуясь социалистическим правосознанием и революционной совестью, приговорила: 1) б[ывшего] генерал-лейтенанта Бакича Андрея Степановича, 2) б[ывшего] генерал-майора Смольнина-Терванды Ивана Ивановича, 3) б[ывшего]

капитана Козминых Виктора Константиновича, 4) б[ывшего] полковника Токарева Семена Георгиевича, 5) б[ывшего] полковника Сизухина Ивана Захаровича, 6) б[ывшего] корнета Шегабетдинова Михаила Назаровича – подвергнуть высшей мере наказания –расстрелять. Амнистии не применять.

1) б[ывшего] генерал-майора Шеметова Алексея Семеновича, 2) б[ывшего] генерал-майора Степанова Разумника Петровича, и 3) б[ывшего] полковника Савельева Тимофея Осиповича – подвергнуть лишению свободы сроком на пять лет с обычной изоляцией.

1) б[ывшего] генерал-майора Кирхмана Дмитрия Николаевича, 2) б[ывшего] генерал-майора Колокольцева Александра Сергеевича, 3) б[ывшего] подполковника Плынова Гавриила Семеновича, 4) б[ывшего] полковника Троицкого Василия Николаевича, 5) б[ывшего] полковника Кострова Сергея Ильича, 6) б[ывшего] полковника Степанова Михаила Александровича, 7) б[ывшего] полковника Евстратова Михаила Тимофеевича, и 8) б[ывшего] благочинного Георгиевского Федора Михайловича –подвергнуть условному лишению свободы сроком на три года.

Приговор окончательный, ни в каком порядке обжалованию не подлежит.

Председатель	[подпись]	Опарин
Члены:	[подпись]	Хроматко
	[подпись]	Вележев

*ГАНУ. Ф. Р-1146. Оп.1. Д.140. Л. 151-152.
Подлинник. Рукописный текст. Подписи-автографы.*